

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К П. В. АННЕНКОВУ (1883)

Публикация Л. Сундквиста

В предисловии к двухтомному изданию писем Павла Васильевича Анненкова (1813–1887) к Тургеневу составители его, Н. Н. Мостовская и Н. Г. Жекулин, отметили, что немало писем Тургенева к его близкому другу и литературному советчику известны сегодня только по публикациям, подготовленным Анненковым после смерти писателя, так как подлинники их исчезли.¹ Поскольку часть архива Анненкова, перешедшая к его дочери Вере (1867–1956), которая поселилась в Германии, погибла во время бомбардировки Дрездена в феврале 1945 года,² нельзя не опасаться, что автографы не только этих, но и совсем неизвестных писем Тургенева тогда безвозвратно погибли. Появление одного из пропавших писем Тургенева на аукционе, устроенном в Филадельфии 10 апреля 2014 года американской фирмой «Freeman's», дает надежду на то, что и другие письма Тургенева к Анненкову уцелели в частных собраниях и когда-нибудь выйдут на свет.³

Публикуемое ниже письмо относится к последнему году жизни Тургенева, а именно к началу февраля 1883 года, когда его смертельная болезнь — рак позвоночника, который сам писатель и лечившие его врачи долго принимали

¹ См.: *Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 256.

² См.: Там же. С. 257.

³ Следует отметить, что отрывки из данного письма ранее уже были представлены на немецком языке в аукционном каталоге 1974 г. фирмы Штаргардт (J. A. Stargardt. Auktionskatalog 603 (Auktion vom 11. und 12. Juni 1974). Los № 278). П. Уоддингтон перевел эти отрывки на английский язык и впервые установил адресата, сведения о котором в каталоге исчерпывались указанием на то, что это друг Тургенева по имени «P. V.». См.: *Waddington Patrick. Still More Letters of Turgenev // N Z Sl J.* 1979. № 1. P. 26–27.

за «грудную жабу», — заметно усилилась и стала причинять ему мучительные боли.⁴ Несмотря на это, Тургенев тогда взял перо в руки, чтобы ответить на вопросы встревоженного Анненкова насчет недавно проведенной операции по удалению неврома и чтобы поделиться с ним некоторыми мыслями по поводу повести «Клара Милич» — последнего произведения, опубликованного при жизни писателя. Вообще неугасимая любовь Тургенева к литературе — не только как автора по отношению к собственной творческой работе, но и как читателя по отношению к «кумирам» юности⁵ и к современным ему писателям, как старым, так и молодым,⁶ — является лейтмотивом его переписки с Анненковым и другими корреспондентами в эти последние месяцы жизни, наполненные физическими страданиями.

Новонайденное письмо Тургенева к Анненкову от 28 января (9 февраля) 1883 года четко вписывается в их переписку, так как встречные письма Анненкова сохранились и их текст полностью доступен исследователям благодаря вышеуказанному изданию. Письмо Анненкова, на которое отвечает Тургенев, опубликовано с пометой: «Ответ Тургенева неизвестен», а о следующем письме Анненкова сказано, что это — «ответ на неизвестное письмо Тургенева».⁷ Прежде чем привести текст этого письма Тургенева, мы хотим в общих чертах представить историю создания повести «Клара Милич» и ход болезни писателя, так как в указанном письме затрагиваются именно эти две темы.

Толчком к написанию повести «Клара Милич» послужило сообщение Ж. А. Полонской в несохранившемся письме к Тургеневу о «посмертной влюб-

⁴ О ходе этой болезни см.: *Waddington P. Turgenev's Mortal Illness: From its Origins to the Autopsy. Upper Hutt (NZ), 1999.*

⁵ Ср. его письмо от 5 (17) декабря 1882 г. к А. И. Незеленову, который подарил ему экземпляр своей книги о Пушкине: «Вам, конечно, известно мое благоговение перед нашим великим поэтом. Я всегда считал себя его учеником — и мое высшее литературное честолюбие состоит в том, чтобы быть со временем признанным за хорошего его ученика. А потому Вы легко можете себе представить, с каким вниманием я прочту Ваш труд <...>» (*ПССуП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 118*). В тот же день Тургенев зафиксировал в своем дневнике грустные размышления об увеличившемся невrome на животе, из-за которого операция стала неизбежной, и о своем «старом недуге» (т. е. о болезни, которую он, как и врачи, считал «грудной жабой»). См.: *ПССуП(2). Соч. Т. 11. С. 205.*

⁶ Ср., например, его письмо к М. М. Стасюлевичу от 12 (24) ноября 1882 г., вызванное желанием поместить русский перевод романа Мопассана «Жизнь» («Une vie») в «Вестнике Европы» (*ПССуП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 100*), его заботы о В. М. Гаршине, прошедшем лето 1882 г. в Спасском по его приглашению (Там же. С. 5, 27, 34, 40 и др.), его письма к братьям по перу Я. П. Полонскому, М. Е. Салтыкову и Д. В. Григоровичу, которых он всегда поддерживал (Там же. С. 49–50, 89–90, 100–101, 160 и др.), и, конечно, его знаменитые призывы к Л. Н. Толстому вернуться к литературной деятельности (Там же. С. 74–75, 180).

⁷ *Анненков. Письма. Кн. 2. С. 358, 360.*

ленности» молодого натуралиста В. Д. Аленицына в актрису Евлалию Кадмину, которая 4 (16) ноября 1881 года, в возрасте 27 лет, покончила жизнь самоубийством, приняв яд во время спектакля на сцене харьковского театра.⁸ Другие дела и заботы, однако, мешали Тургеневу приступить к созданию новой повести в Париже в течение зимы 1881/82 года, а весной тяжелая болезнь, которую врачи определили как «грудную жабу», приковала его к постели. При малейшем движении он ощущал невыносимые боли. После переезда в Буживаль на лето состояние его долго оставалось таким же беспросветным, как видно, например, из письма к Анненкову от 19 (31) июля 1882 года: «Насчет моей болезни скажу Вам, что она установилась окончательно, как следует хроническому недугу, который уже не покинет организм. Вообще мне легче, т. е. боли сноснее; но всё же раза два в неделю я принужден прибегнуть к вспыскиванию морфином, если хочу спать; стоять и ходить могу я только в течение двух-трех минут — и то с помощью машинки, придавливающей ключицу; карету переносу с трудом. Результат всего этого — прикованность к месту и совершенное прекращение всяких расчетов на будущее — вместе с прекращением всякой литературной работы, которая немислима при неотступном присутствии невралгии».⁹

Вскоре после этого письма Тургенев по совету известного петербургского врача Л. Б. Бертенсона, посетившего его в Буживале, начал молочную диету, которая принесла ему некоторое облегчение. Так, 17 (29) августа 1882 года он сообщал М. Г. Савиной: «Я, однако, принялся, за литературную работу, хоть и она подвигается очень медленно».¹⁰ Тем не менее уже пять дней спустя он известил Анненкова о том, что закончил в черновике новую повесть: «Сверх того имею сообщить Вам новость: на меня вдруг нашел „стих“ — и я в течение последних двух недель написал повесть (в 3 листа печатных) довольно странного свойства. Это тоже будет переписано — и, разумеется, отправлено к Вам. Если повесть одобрится — то будет напечатана в январской книжке „Вестника Европы“».¹¹

Окончив переписывание повести, Тургенев послал рукопись Анненкову в Баден-Баден 17 (29) сентября 1882 года. Тот откликнулся два дня спустя письмом, из которого мы приведем пространные выдержки, так как высказанное в нем мнение Анненкова впоследствии, в феврале 1883 года, снова станет предметом эпистолярного общения двух друзей: «Мастер чудный! Пишу Вам под впечатлением только что прочитанной превосходной Вашей повести. / Вы не должны ожидать, да, вероятно, и не ожидаете, чтобы она

⁸ См.: *ПССуП(2). Соч.* Т. 10. С. 424, 426–428. О Е. П. Кадминой см. также: *Яголим Б. С.* Комета дивной красоты: Жизнь и творчество Евлалии Кадминой. М., 1969.

⁹ *ПССуП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 309.

¹⁰ Там же. Кн. 2. С. 7.

¹¹ Там же. С. 13.

П. В. Анненков. Фотография С. Пташинского.
Петербург, 1880 г.

дружелюбно была встречена на нашей родине людьми, обзывающими сумасшествием всякий психический случай, открывающий позади реального мира еще какой-то другой, и весьма могущественный мир. <...> Тот еще не понял рассказа, кто не может представить его себе как „*истинное происшествие*“. Надо было большое искусство, чтобы сделать его таким. Особенно тонко и эффектно проведено в нем чувство критическое у Аратова по отношению к Кларе, переплетающееся со страстью и любовью, которые потом и одолели его вполне. Клара — живое лицо, будучи вместе с тем и поэтической загадкой: это — тайна таланта создавать из психических ребусов поразительные образы. <...> Последние страницы с видениями Аратова — суть шедевры этого рода описаний. Самая искренняя вера в реальность галлюцинаций Аратова не покидает читателя, между тем как под ними он чувствует все время невидимую струю натурального объяснения дела. Это и составляет премудрость художника!».¹²

Ободренный восторженной оценкой Анненкова и его призывом в том же письме — «смело посылайте свою вещь в печать и без всяких поправок», — 7 (19) октября 1882 года Тургенев из Буживаля отправил наборную рукопись

¹² Анненков. *Письма*. Кн. 2. С. 162. Письмо от 19 сентября (1 октября) 1882 г.

повести редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу. Хотя боли отнюдь не прекратились, писатель все-таки воспрял духом благодаря возобновлению литературной деятельности, как видно из его письма к Л. Н. Толстому: «Мое положение — престранное. Человек вполне здоров... только ни *стоять* — ни *ходить* — ни *ездить* не может — без того чтобы у него в левом плече не заломило нестерпимо, как от гнилого зуба. Пренелепое положение, вследствие которого я осужден на неподвижность. И сколько времени это продолжится — тоже неизвестно. Понемногу привыкаю к этой мысли — но это нелегко. Впрочем, я последнее время опять принялся за работу. / Как бы я обрадовался, если б узнал, что и Вы принялись за нее!».¹³ Работа над корректурой новой повести продолжала занимать Тургенева и после переезда из Буживаля в его парижскую квартиру на улице Дуэ, который состоялся 6 (18) ноября. Именно во время работы над корректурой Тургенев согласился с предложением Стасюлевича переменить заглавие повести на «Клару Миллич», так как первоначальное заглавие «После смерти» показалось редактору слишком мрачным.

Между тем после возвращения в Париж Тургеневу стало значительно хуже, боли возобновились. В письмах к своим друзьям он, однако, старался не впасть в уныние: «...я всё в том же положении; здоров, как рыба — но осужден на неподвижность: ни стоять, ни ходить!» — сообщал он М. Г. Савиной 27 ноября (9 декабря).¹⁴ Вскоре его состояние усложнилось тем, что невром, образовавшийся у него на животе, «вдруг стал непомерно пухнуть». 5 (17) декабря он записал в дневнике: «...если так продолжится, то придется взрезать мне брюхо и вырвать эту гадость... <...> Это на днях должно решиться... веселенький пейзажик! Нечего и говорить, что старый недуг процветает по-прежнему».¹⁵

О том, что ему, возможно, предстояла операция по удалению неврома, Тургенев не сразу сообщил всем. В письме к доктору Бергенсону от 6 (18) декабря, например, он коснулся только своего «старого недуга».¹⁶ По-видимому, он не хотел беспокоить таких друзей, как Полонские, которые именно от Бертенсона получали новости о состоянии Тургенева. В утраченном письме к Анненкову Тургенев, однако, посвятил своего друга в новые обстоятельства, как можно заключить из встревоженного письма Анненкова от 7 (19) декабря: «Что это такое? Опять болезнь, мучение, операция, катастрофа, Иван Сергеевич! Я уже подозревал, долго не получая от Вас известий, что что-нибудь неладно у Вас, но этого не ожидал. <...> Во всяком случае молю Вас, друг, держите меня в известности о ходе этого зловещего нароста».¹⁷

¹³ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 74. Письмо от 19 (31) октября 1882 г.

¹⁴ Там же. С. 110.

¹⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 205.

¹⁶ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 119–120.

¹⁷ Анненков. Письма. Кн. 2. С. 167.

Необходимость операции была признана лечившими Тургенева врачами, причем она должна была проходить без хлороформа, так как у писателя был порок сердца. 29 декабря 1882 года (10 января 1883 года) Тургенев сообщал Анненкову о предстоящей операции: «Через три дня, а именно в воскресенье, любезный Павел Васильевич, будут вырезывать у меня именно *невром* <...> Опасность состоит не в самой операции, как она ни мучительна и ни продолжительна, а в возможности двух следующих последствий: рожи или воспаления брюшной полости. Оттого-то и придется мне пролежать после операции недели две недвижимо. Но я не унываю; „le vin est tiré — il faut le boire“ («вино откупорено — нужно его пить» — *франц.*) — говорят французы — да к тому же я буду в искусных руках. А Вы в воскресенье — между 11-ю и 1-м — сочувственно подумайте обо мне».¹⁸ В том же письме он уполномочил Анненкова, в случае его смерти, разобрать его корреспонденцию.¹⁹ Два дня спустя Тургенев в дневнике записал свои размышления о предстоящей операции и о скором выходе в свет своей новой повести: «Послезавтра, в воскресенье, в 11 ч. мне вырезают мой невром. Операция будет мучительная — так как, по решению Бруарделя, меня хлороформировать нельзя. После мне придется пролежать недвижно дней десять. Если сделается рожа — я, вероятно, умру. Но le vin est tiré — il faut le boire. Недуг грудной — всё в том же положении. <...> Повесть моя должна завтра появиться в „Вестнике Европы“, а 15-го в „Nouvelle Revue“ — под заглавием „Après la mort“ («После смерти» — *франц.*)... Как бы в самом деле не вышло: après la mort. Кто знает — я, может быть, пишу это за несколько дней до смерти. Мысль невеселая. Ничтожество меня страшит — да и жить еще хочется... хотя... / Ну, что будет — то будет!».²⁰

В самом деле повесть «Клара Милич» вышла в январской книжке «Вестника Европы» за 1883 год, а 3 (15) января французский перевод — авторство которого до сих пор не удалось установить²¹ — был напечатан в журнале «Nouvelle Revue» под заглавием «Après la mort», то есть под заглавием, которое Тургенев первоначально дал ей в русском оригинале. Несколько позже

¹⁸ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 143–144.

¹⁹ См. об этом: Анненков. Письма. Кн. 2. С. 358–359, примеч. 2 к письму 342.

²⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 207–208. Запись от 31 декабря 1882 г. (12 января 1883 г.).

²¹ Как объясняется в ценной библиографии французских переводов произведений Тургенева, составленной П. Уоддингтоном при участии Ф. Монрейно: «Неизвестно, был ли этот перевод сделан Эмилем Дюраном или самим Тургеневым совместно с П. Виардо» (A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885. Wellington (NZ), 1980. Item 66). См. также: Анненков. Письма. Кн. 2. С. 350, примеч. 4 к письму 335.

(но предположительно до 28 января (9 февраля) 1883 г.) немецкий перевод повести, сделанный Л. Пичем на основе французской версии, корректурные листы которой Тургенев послал последнему 27 ноября (8 декабря) 1882 года, появился в неустановленной немецкой газете или журнале.²²

Получив известие о предстоящей операции, Анненков 2 (14) января 1883 года послал Тургеневу краткую записку из Баден-Бадена: «Не стану говорить, каким ударом было Ваше письмо для меня. Вышло бы глупо. Я все думал — авось и так сойдет, а когда действительность подошла с ножами, страданиями и, может быть, с катастрофой — так в глазах потемнело. Ни думать, ни писать об этом не хочется, да и страшно — ох, страшно. Умоляю Вас или Mme Viardot известить меня телеграммой, как сошла операция и в каком Вы положении. До тех пор не имею сил ни мыслить о Вас, ни говорить с Вами. Умоляю о телеграмме».²³

Запись, сделанная Тургеневым в дневнике непосредственно перед операцией, которая была проведена молодым хирургом Полем Сегоном (Paul Segond) 2 (14) января 1883 года, свидетельствует о том, что уже тогда писатель начал применять «систему Канта», о которой пойдет речь в дневнике и в найденном письме к Анненкову: «Воскресенье, 14/2 янв. 83. 10½ ч. утра. Сажу в ожидании докторов, которые будут меня резать (они сию минуту приехали), — пока не трушу. Что будет дальше — не знаю. В начале следующей страницы напишу результат».²⁴

Сама операция прошла благополучно, о чем Тургенев на следующий день телеграфировал нескольким друзьям, в том числе Анненкову. Телеграмма не сохранилась, но о том, что она была отослана, свидетельствует радостное письмо Анненкова от 3 (15) января: «Вчера вечером получил, Иван Серг<еевич>, вашу телеграмму. Туча миновалась. Слава богу и трижды слава! <...> Когда вы отдохнете и поправитесь, расскажите мне, прошу вас, всю процедуру пыточного станка, на котором вы лежали. Долго ли, хлороформ<ро>ванны или трезвые, и что ощущали? Кто делал операцию, кто был при Вас? Для души моей это нужно».²⁵ В не дошедшей до нас «записочке» к Анненкову,

²² Ср. письмо Тургенева к Л. Пичу от 11 (23) февраля 1883 г.: «Вы должны были бы, право, прислать мне экземпляр Вашего перевода „После смерти“; ну, да это неважно» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 255. Подлинник по-нем.). См. также примеч. 2 к этому письму (Там же. С. 368), где высказывается предположение, что перевод Пича остался в рукописи и поэтому не был прислан Тургеневу. Против такого заключения говорит представленное здесь письмо Тургенева к Анненкову от 28 января (9 февраля) 1883 г. (см. ниже).

²³ *Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 169.

²⁴ *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 209. Запись от 2 (14) января 1883 г.

²⁵ *Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 169–170.

в которой он благодарил его за участие.²⁶ Тургенев, очевидно, не стал описывать операцию, которой только что подвергся. Это он сделал в письме к Бертенсону от 6 (18) января, причем просил врача сообщить его содержание своим петербургским друзьям, «а также и какому-нибудь журналу *в двух словах только*, но с *упоминанием* имени оператора».²⁷ Именно из русских газет, полученных им в Баден-Бадене, Анненков впоследствии узнал некоторые подробности об операции.

Операция по удалению неврома, к сожалению, не смогла повлиять на ход основной болезни Тургенева. Межреберные боли не только продолжились, но и усилились. Из записи в дневнике от 15 (27) января, в которой Тургенев дал описание недавней операции, видно, однако, что он старался примириться с этими страданиями (которые тогда еще считал симптомами хронической болезни) и что его по-прежнему занимала судьба повести «Клара Миллич»: «В прошлое воскресенье, 2/14 янв<аря> так-таки и вырезали у меня невром. (Действовал Поль Сегон, присутствовали Бруардель и Нелатон и Гиртц.) Было очень больно; но я, воспользовавшись советом Канта, старался давать себе отчет в моих ощущениях — и, к собственному изумлению, даже не пикнул и не шевельнулся. А длилась вся операция минут с 12. Невром был с грецкий орех — большой. Потом меня уложили — и так я пролежал 14 дней. Лихорадки не было и никаких осложнений. Рана в 15 сантим<етров> скоро и правильно зажила. Зато старая моя болезнь — боль в груди и пр. — меня лихо помучила, так как лежание на спине причиняло мне особенные страдания. Пришлось прибегнуть к морфину. Болезнь эта продолжает потешаться надо мною — но ведь от этого я избавиться не могу, что ни говори Бертенсон с своей глиной. <...> Повесть моя появилась и в Петербурге и в Москве — и, кажется, и там и тут понравилась. Чего! даже Суворин в „Новом времени“ расхвалил!».²⁸

Анненков между тем сам заболел и поэтому лишь 25 января (6 февраля) ответил на «записочку» Тургенева, которая, как уже упоминалось, до нас не дошла: «Чего Вы благодарите за участие? Кто не принимал участия в Вас, прожившем полчаса под ножом? Из газет знаю несколько подробностей об операции и только головой встряхиваю — нехорошо было! Надеюсь, что дело не ухудшилось с последнего извещения Вашего. Говорят, что Вы даже и не сто-

²⁶ Ср. письмо Анненкова от 25 января (6 февраля) 1883 г. в ответ на эту утраченную записку: Там же. С. 170–171.

²⁷ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 148.

²⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 209. См. также схожие высказывания о восстановлении после операции, а также об одновременно усилившихся приступах «старой болезни» в письмах к Я. П. Полонскому и М. М. Стасюлевичу от 15 (27) января 1883 г.: ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 155–156.

нали. Не люблю я этого мужества, хотя и сам расположен ему подражать в случае нужды: оно увеличивает страдания, а зачем? Чтобы стоять выше природы! Затея! <...> Перечел „Клару Милич“, еще раз облизался и остаюсь при прежнем мнении. Дело совсем не в разительном сходстве портрета с несчастной Кадминой, чем кажется всего более занята публика, а в психическом процессе, вызванном ее смертью у человека, не распознавшего ее при жизни. Судя по Вашему молчанию, можно думать, что и Вы стоите за поэтический портрет, не более. Тогда я и против Вас». ²⁹ На это письмо Тургенев и отвечает в публикуемом ниже письме.

Как уже было упомянуто в начале публикации, ответное письмо Анненкова, датированное 9 (21) февраля 1883 года, к счастью, сохранилось. В нем Анненков, не касаясь более повести «Клара Милич», сосредоточился на состоянии здоровья Тургенева и даже, чтобы подбодрить своего друга, пошутил по поводу совета Канта: «Милое Ваше письмецо, Иван Сергеевич, написанное таким хорошим мелким почерком, что оно показалось мне бисерным кошельком» ³⁰ — кончается неожиданно для меня дурным известием о возвращении и усилении старой Вашей болезни, между тем как новая отступила перед радикальными мерами, принятыми относительно ее. Может быть, Ваш старик Кант и был прав, утверждая, что анализируя свои мучения — уменьшаешь их силу — не испытал! Но другой старик Руссо уверял, что, сосредоточивая ум на какой-либо идее, можно упразднить самую жгучую боль — это я пробовал при старых и частых зубных моих страданиях. Ничего не выходило». ³¹

Несмотря на грустное содержание многих из приведенных в настоящей публикации писем, включая и новонайденное, нельзя не восхищаться искренним сочувствием, которое смертельно больной Тургенев не только умел возбудить в окружающих, но и сам питал к ним — к близким друзьям, как Анненков, и даже к старым «врагам»: «Как мне жаль бедного Гончарова! — писал он в феврале 1883 года, узнав, что автор «Обломова» ослеп. — Страдая сам, я ближе принимаю к сердцу его страдания». ³²

²⁹ Анненков. *Письма*. Кн. 2. С. 170–171. См. также: *ИРЛИ*. Ф. 7. № 13. Л. 95–96.

³⁰ Почерк Тургенева в этом письме действительно отличается четкостью и ровностью. Однако он вскоре не был в силах даже держать перо и начал диктовать письма окружающим его лицам. Ср., например, письмо к Я. П. Полонскому от 2 (14) февраля 1883 г., написанное А. Ф. Онегиным под диктовку Тургенева: «Исполняя твоё желание, извещаю тебя, что мне по-прежнему нехорошо, и пишу не своею рукою по причине ломоты в плече» (*ПССиП(1)*). *Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 161).

³¹ Анненков. *Письма*. Кн. 2. С. 171–172.

³² Письмо к Д. В. Григоровичу от 1 (13) февраля 1883 г.: *ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 160.

Тургенев — П. В. Анненкову

28 января (9 февраля) 1883 года. Париж

Париж.
50, Rue de Douai.
9-го февр. 83.

Милый П<авел> В<асильевич>, вот Вам ответ на Ваше дружеское письмо.¹ — Операция моя не оставила никакого следа, за исключением большого шрама на животе — а не стонал я не из желания показать свой стоицизм — а вследствие системы, рекомендованной философом Кантом — во время боли стараться отдавать себе отчет в ней — отчего уменьшается сама боль — так как рефлексия во всяком случае устраняет нервную возбужденность. Старик Кант оказывается правым — и его система принесла мне пользу.²

К сожалению, она неприменима к хроническим постоянным болям — мой старый, неизлечимый недуг в последнее время значительно усилился — и я более чем когда-либо осужден на неподвижность... даже писать мне трудно, ибо приходится двигать рукою.³

В «Кларе Милич» заинтересовал меня психический процесс Аратова — я ее видел всего один раз, двух слов с ней не сказал — и биографию ее и т. д. всё выдумал — по мере возможности целесообразно.⁴ — Не моя вина, что публика видит в моей работе портрет — я даже по этому поводу получил прекурзные письма и т. д.⁵ А потому Вам незачем быть *против меня*.⁶ — Другие публики (французская между прочим) отнесли к К<ларе> М<илич> правильно;^{а, 7}

Все мои здешние здоровы и благоденствуют.

Не могу более писать — лом в плече и в боку — почти несносный. — Ограничусь тем, что поклонюсь всем Вашим и Вас обниму.

Ив. Тургенев.

Печатается с любезного разрешения владельца автографа — Константина Гинзбурга (Konstantin Ginsburg) (США) — по факсимиле, воспроизведенному в аукционном каталоге: Freeman's. Rare Books & Manuscripts. 04/10/14. Posters, Maps & Other Graphics. 04/11/14. P. 77. Lot 394. Выражаю искреннюю благодарность Кристиане Скавуццо (Christiana Scavuzzo) — сотруднице фирмы «Freeman's» — за оказанную помощь. Каталог доступен в Интернете: <http://issuu.com/freemansauction/docs/1487/1> (дата последнего обращения: 27.07.2015). В описании лота возможным адресатом ошибочно была названа Полина Виардо. Недоразумение объясняется тем, что Тургенев в обращении поставил только инициалы своего друга: «П. В.». Автограф был продан за 6250 долларов.

^а Далее следует зачеркнутая фраза, не поддающаяся расшифровке.

¹ Речь идет о письме от 25 января (6 февраля) 1883 г. См.: *Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 170–171.

² Тургенев, вероятно, имеет в виду небольшой трактат Канта 1797 г.: «Von der Macht des Gemüths durch den bloßen Vorsatz seiner krankhaften Gefühle Meister zu sein» («О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения»), в котором немецкий философ между прочим объяснил, как он преодолевал приступы подагры. Ср. также упоминание о «совете Канта» в приведенной выше записи от 15 (27) января 1883 г. из дневника Тургенева.

³ Ср. письмо к Ж. А. Полонской от 27 января (8 февраля) 1883 г.: «Здоровье мое окончательно испортилось — теперь уже не одна ключица — но вся спина и грудь болят постоянно — двигаться не могу — и спать возможно только при вспыскивании морфином. Ночи особенно жестоки — так как лом распространяется по всей верхней части туловища и при малейшем движении вспыхивает, как порох. Дело, как видите, некрасивое. От операции не осталось ни следа» (*ПССуП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 160).

⁴ Ср. письмо к Ж. А. Полонской от 20 декабря 1881 г. (1 января 1882 г.): «Я, помнится, видел раз эту Кадмину на сцене (когда она была еще оперной певицей; у ней было очень выразительное лицо)» (Там же. Кн. 1. С. 168), а также письмо к Л. Б. Бертенсону от 19 (31) января 1883 г.: «История Кадминой (лично с которой, т. е. с Кадминой, я знаком не был) послужила мне только толчком к написанию моей повести. Биография Клары мною вымышлена, а также и отношение ее к Аратову, типу, сохранившемуся в моей памяти еще со времен молодости» (Там же. Кн. 2. С. 157). Как указывается в комментарии к повести в первом академическом издании: «Что касается истории взаимоотношений Клары Милич и Аратова, то она целиком вымышлена Тургеневым (Кадмина не знала даже о существовании Аленицына)» (*ПССуП(1). Соч.* Т. 13. С. 581).

⁵ Подобный отзыв Тургенев, по-видимому, получил от Л. Б. Бертенсона (см. письмо к нему от 19 (31) января 1883 г., приведенное в предыдущем примечании). Об одном из таких «прекуррезных» писем Тургенев упоминает в письме к М. М. Стасюлевичу от 15 (27) января 1883 г.: «Получил я отгиски „Клары Милич“ и благодарю. Получил также письмо „читательницы“, которая все-таки предпочитает меня Боборыкину и Стахееву» (*ПССуП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 156).

⁶ Тургенев отвечает на следующее высказывание из письма Анненкова от 25 января (6 февраля) 1883 г.: «Судя по вашему молчанию, можно думать, что и Вы стоите за поэтический портрет, не более. Тогда я и против Вас» (*Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 171).

⁷ О французском переводе «Клары Милич», появившемся под заглавием «Après la mort» в журнале «La Nouvelle Revue française» (1883. 15 janvier. Vol. 20), см. выше. Обращает на себя внимание то, что Тургенев пишет о «других публиках» во множественном числе. Из этого можно осторожно заключить, что к тому времени уже был напечатан немецкий перевод повести, сделанный Л. Пичем под заглавием «Nach dem Tode», и что Пич в несохранившемся письме к автору сообщил ему некоторые отзывы немецкой публики на нее. К сожалению, нам не удалось установить, в какой газете или журнале появился перевод Пича. В марте 1883 г. был напечатан другой немецкий перевод повести, который вышел в Мюнхене отдельным изданием: *Turgenjew J. Klara Militsch. Novelle / Deutsch von Wilhelm Henkel. München: Th. Stroeffner, 1883* (см.: *ПССуП(2). Соч.* Т. 10. С. 433; *ПССуП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 368, примеч. 2 к письму 6131).